

УДК 316

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ: СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

© 2018 г.

С.Т. Сагитов

Сагитов Салават Талгатович, к.соц.н.; доцент кафедры социологии и социальных технологий
Уфимского государственного авиационного технического университета
sagitov@bashkortostan.ru

*Статья поступила в редакцию 15.01.2018**Статья принята к публикации 30.01.2018*

Социальное управление предполагает взаимодействие множества различных групп и общностей. Классификация групп, предложенная в данной статье, основана на социально-профессиональном разделении труда участников процесса управления сферой культуры. На основе результатов проведенного в 2001–2002 гг. и 2016–2017 гг. трендового социологического исследования проблем развития сферы культуры продемонстрирована трансформация взглядов представителей данных групп на вопросы, связанные с качеством работы учреждений культуры и их материально-техническим состоянием, а также мнение о проблематике уровня культуры населения. По результатам исследований выделено пять групп участников процесса управления сферой культуры, которые можно объединить в две подгруппы: непосредственно и опосредованно участвующих в создании культурно-духовных ценностей. Причем динамика взглядов, тренды развития выделенных подгрупп в большей части противоположны. Обосновывается вывод о том, что оптимальное развитие сферы культуры возможно лишь при учете мнений всех участников этого процесса, вкуче с учетом законов саморазвития культуры.

Ключевые слова: сфера культуры, социально-профессиональные группы, уровень культуры населения, интересы и потребности, культурная продукция, anomия, социальная структура.

Актуальность проблемы

Труды многих признанных отечественных социологов посвящены анализу социальной структуры нашего общества. При этом если в советское время за основу принимался преимущественно классовый подход, то современная российская социология при анализе социальной структуры рассматривает и различные модели, построенные в рамках основных современных подходов к социальной стратификации. В работах Н.А. Аитова, Т.И. Заславской, Г.В. Осипова, М.К. Горшкова и других видных ученых отражены особенности социальной структуры российского общества, проводится анализ процессов его трансформации, рассматриваются проблемы социальной стратификации. Ряд авторов в своих изысканиях рассматривают социальную структуру и социальное неравенство как культурные явления. Например, Л.Г. Ионин отмечает, что хотя эти понятия аналитически и различимы, но «социальная структура, представляющая собой совокупность устойчивых социальных отношений, взаимодействий, и культура, как сфера значений, в реальности теснейшим образом переплетены...» [1]. В работах З.И. Файнбурга культура представляется в единстве трех аспектов деятельности: преобразования предмета деятельности, взаимодействия феноменов и от-

ражения процесса деятельности в специфической форме сознания – и ее развитие «связано с формационным развитием общества» [2]. Особый интерес представляет теория габитуса П. Бурдьё, который выделял, что «составляющие габитус диспозиции (практические схемы), производя адаптированные к социальным отношениям практики (продуктом которых они являются), осуществляют производство/воспроизводство социальных отношений...» [3]. Данным подходом Бурдьё проделана попытка нивелирования противопоставления социальной структуры и личных практик индивида: габитус вписывает индивида, со своим внутренним восприятием культурно-духовных ценностей, жизнедеятельности в целом, в существующие социальные структуры. То есть показывается взаимосвязь и взаимозависимость социальной структуры, социальных институтов с воззрениями и поведением индивида, которые, благодаря габитусу, оказываются адаптированными к социальным отношениям, продуктом которых и являются.

Вместе с тем в социологической литературе недостаточно полно освещены проблемы социальной структуры, социального взаимодействия участников непосредственно в сфере культуры, соотношения их интересов и потребностей. Этой проблематике нами уже было уделено

особое внимание [4], в данной же работе мы попытаемся, обозначив основные социально-профессиональные группы в управлении сферой культуры, структурировать их и продемонстрировать их общее и особенное в отношении вопросов, касающихся сферы культуры и культурно-духовных ценностей.

Методика исследования

Под руководством профессора Р.Т. Насибуллина при непосредственном участии автора в 2001–2002 гг. и 2016–2017 гг. в Республике Башкортостан было проведено трендовое социологическое исследование по вопросам развития сферы культуры¹, результаты которого позволили не только получить формальные сведения, но и на основе анализа динамики процессов раскрыть характер взаимоотношения между социальными слоями [5] и обозначенными нами ниже социально-профессиональными группами.

Классификация групп

Безусловно, в сфере культуры можно выделить достаточно большое количество устоявшихся общностей и групп, ибо «социальная структура общества весьма сложна и пестра» [6]. Классификацию можно провести, например, взяв за основу ценностный подход к культуре (П. Сорокин) либо цивилизационный (О. Шпенглер), в зависимости от осознанности культуры (Х. Ортега-и-Гассет, Т. Элиот), подразделив ее на доминирующую, субкультуру и контркультуру (А.И. Кравченко), на сельскую и городскую (Л.Н. Коган) или по ролевому сообществу (Т.Н. Савченко) и т.д.

Мы в качестве критерия классификации берем социально-профессиональный статус участников в процессе управления сферой культуры и подразделяем их на 5 групп, которые мы условно обозначили как потребители, государственные чиновники, культурная бюрократия, служащие и творцы. Отметим, что мы не отдаем первенство в процессе управления сферой культуры одной или нескольким группам, ибо придерживаемся позиции, когда социальное управление рассматривается как субъектно-субъектный процесс: все участники процесса управления сферой культуры воздействуют друг на друга, в этом заключается специфика субъекта социального управления и его социальная функция, выражающаяся в «согласовании, гармонизации интересов отдельных общностей, групп, отдельных индивидов в процессе осуществления их жизнедеятельности в обществе...» [7].

В первую группу мы относим потребителей культурной продукции – это различные соци-

альные группы, представляющие те или иные субкультуры и, в совокупности, представляющие весь наш социум. То, что это самая массовая и самая разнообразная по своему составу группа, не требует доказательств. Несмотря на это, доля представителей этой группы в процессе принятия решения невелика. Более того, зачастую она сводится к нулю, о чем ниже будет сказано более подробно. Как уже было отмечено выше, в рамках данной работы представителей этой группы мы будем именовать «*потребители*».

Вторая группа представляет собой государственных служащих, определяющих стратегические приоритеты развития сферы культуры. Заметим, что это не только чиновники непосредственно из сферы культуры, но и представляющие другие отрасли, решения которых влияют на развитие сферы культуры. Сюда входят чиновники высшего ранга из сферы и культуры, и финансов, и образования, и административного управления и т.п. («верхний слой» в классификации Т.И. Заславской) [8]. По своему численному составу данная социально-профессиональная группа, которую мы для удобства будем в дальнейшем именовать «*государственные чиновники*», самая минимальная. Однако она имеет значительное количество ресурсов, как материальных, так и административных, для принятия того или иного решения, что отражено в теории социальных пирамид, в соответствии с которой большая часть ресурсов принадлежит самой немногочисленной группе общества и наоборот [9].

Если в качестве критерия для разделения на подгруппы брать степень вовлеченности в процесс производства культурной продукции, то первые две группы можно определить как опосредованно вовлеченные (согласимся с позицией Л.Н. Когана, который писал, что «чтение художественной или научной литературы, восприятие музыки, театрального спектакля или фильма – тоже творчество» [10]), а оставшиеся три – как группы непосредственно создающие, транслирующие культурные ценности, культурную продукцию (см. таблицу 1). Во второй подгруппе мы выделяем *культурную бюрократию* (руководители учреждений культуры и искусства), *творцов* (люди, создающие и транслирующие духовные ценности) и *служащих* (люди, занимающиеся обеспечением непосредственной трансляции духовных ценностей).

Понятно, что данное разделение в определенной мере условно, ибо один и тот же человек может выступать в нескольких ипостасях. Например, руководитель крупного учреждения искусства (бюрократия сферы культуры) может одновременно быть и действующим актером

Таблица 1

Социально-профессиональная структура участников управления сферой культуры, в зависимости от степени вовлеченности в производство культурной продукции

Опосредованно вовлеченные	Непосредственно вовлеченные
«Государственные чиновники» «Потребители»	«Культурная бюрократия» «Творцы» «Служащие»

(творцом), при этом входит в условный координационный совет по культуре, который уполномочен принимать знаковые решения для сферы культуры (государственный чиновник), и быть простым зрителем (простой зритель и есть самый сложный участник социокультурных процессов) или читателем (потребитель). Или другой пример, когда индивидуальный предприниматель в сфере культуры может принадлежать одновременно и к творцам, и к служащим, и к потребителям, и к культурной бюрократии. При этом любой представитель любой группы является потребителем культурной продукции. Вместе с тем такая дихотомия позволяет выйти на существенные связи между явлениями в процессах, происходящих в сфере культуры, именно с точки зрения социально-профессиональной позиции, а также определить значение той или иной группы в процессе принятия решения в управленческом процессе. В дальнейшем, в рамках данной статьи мы будем оперировать именно этими пятью социально-профессиональными группами, которым в управленческом процессе принадлежат разные роли и функции. Отметим еще одно обстоятельство – все участники культурной жизни имеют свои интересы, совпадающие, не совпадающие или совпадающие частично с интересами представителей других групп. Интересы эти также могут быть декларируемыми и реальными. При этом если декларируемые интересы известны многим участникам процесса, более того, их считают общепризнанными и даже в какой-то мере обязательными, то реальные интересы, как правило, либо тщательно скрываются, либо не осознаются самими представителями этих групп. Это различие заложено в самой сфере культуры, которая «противоречива, многогранна, комплексна, и ее жизнеспособность проверяется с помощью непрерывного изменения социокультурных проектов, для реализации которых необходима одна из главных компетенций людей – умение договариваться между собой на любых уровнях» [11].

Уровень культуры населения

В рамках исследования мы выясняли, насколько уровень культуры населения воспри-

нимается представителями разных групп участников в качестве проблемы сегодняшней жизни россиян. На вопрос: «Какие проблемы в настоящее время Вас волнуют в большей степени?» – предлагалось выбрать 3 из предложенных 10 вариантов ответов; и проблема «уровня культуры населения» среди участников процесса управления сферой культуры выглядит следующим образом. В 2001–2002 гг. меньше всего уровень развития культуры населения вызывал опасения у «потребителей» – 38%. В остальных же группах доля тех, кто обеспокоен уровнем культуры населения, составляет по возрастающей:

- у «государственных чиновников» – 41%;
- у «культурной бюрократии» – 63%;
- у «служащих» – 75%;
- максимальная доля по этому показателю у «творцов» – 88% [12, с. 64].

Несмотря на то, что некоторые показатели изменились к 2016–2017 гг. в цифровых показателях, общий тренд остался идентичным, а в 2 группах («служащие» и «государственные чиновники») изменения не выходят за рамки допустимой ошибки выборки. Те группы, которые мы обозначили как непосредственно вовлеченные в творческий процесс, более озадачены уровнем культуры населения, нежели представители опосредованных групп. Больше всего уровнем культуры населения озадачены «творцы» – 84%; далее следуют «служащие» и «культурная бюрократия», чьи показатели тоже достаточно высокие, превышая «конституционное большинство» – 2/3 от состава группы и составляя 74% и 67% соответственно; «государственные чиновники», как и ранее, не сильно озабочены уровнем культуры населения, и доля таковых составила 40%; и менее всего уровень культуры населения волнует само население в целом, которыми в нашем исследовании являются «потребители», всего треть из которых обозначили эту проблему как наиболее важную.

Настораживает, что сократилось количество тех, кого волнует уровень культуры населения, среди «потребителей», т.е. населения в целом. И мы не уверены, что это произошло в связи с тем, что уровень культуры населения поднялся. Просто первоочередные проблемы, которые волнуют россиян, такие как безопасность стра-

ны, состояние здоровья и общий достаток, превалируют сегодня в общественном сознании. И это, в какой-то мере, естественно, ведь теоретические концепции и Сорокина, и Альдерфера, и Маслоу, определяющие иерархию потребностей, четко указывают на то, что социальные потребности человека активнее проявляются лишь при полном удовлетворении потребностей существования (кстати, нельзя забывать и еще об одном принципе, согласно которому чем менее удовлетворены социальные потребности, тем более усиливается их действие²).

Наш тезис, который мы выдвигали в 2002 г., что чем «ближе» респондент находится к процессу создания духовных ценностей, тем больше его волнует состояние уровня культуры населения [12, с. 64], не утратил актуальности и на сегодня, ибо люди, работающие в сфере культуры – а это и «творцы», и «служащие» и «культурная бюрократия», дают оценки процессам в той сфере, в которой они непосредственно задействованы. Подтверждением нашей гипотезы могут служить ответы участников процесса культурной политики на вопрос об оценке удовлетворенности материально-техническим состоянием учреждений культуры. Отметим, что мы согласны с положением, что в формировании чувства удовлетворенности объективные жизненные успехи и достижения личности как преломляются через внешние социальные нормы, так и пропускаются сквозь внутренние стандарты [13].

Удовлетворенность внутренними процессами в сфере культуры

Анализируя мнения различных социально-профессиональных групп, можно и здесь отметить четко прослеживающуюся тенденцию: среди тех респондентов, кто представляет непосредственно вовлеченных в сферу культуры («творцы», «служащие» и «культурная бюрократия»), наблюдается рост доли не удовлетворенных материально-технической базой учреждений культуры, а среди второй группы – опосредованно вовлеченных («потребители» и «государственные чиновники») – рост удовлетворенности. Таким образом, мы можем наблюдать разнонаправленное движение в представлении двух подгрупп, где в качестве критерия мы выделили степень вовлеченности в процесс производства культурной продукции. Из общих тенденций сразу отметим еще одну – представители первой подгруппы («творцы», «культурная бюрократия» и «служащие») выбирали только варианты ответов «удовлетворен» или «не удовлетворен», тогда как «потребителями» и

«чиновниками» в рамках обоих исследований был выбран и третий вариант ответа «мне безразлично», что в определенной мере дополнительно подчеркивает их опосредованность в проходящих процессах в сфере культуры.

В целом, большая часть респондентов отмечает, что материально-техническая база учреждений культуры за эти 15–16 лет улучшилась. Если в начале века неудовлетворенных было больше половины – 54%, удовлетворенных – 33% и проявляли безразличие 14% населения, при этом и в настоящее время безразличными к состоянию материально-технической базы определили себя 16% респондентов (примерно идентичный первому опросу показатель). Вместе с тем если разница между «удовлетворенными» и «не удовлетворенными» материально-технической базой в 2001–2002 гг. составляла более 20%, то сегодня этот показатель около 4%: удовлетворены 40% и не удовлетворены 44% респондентов, которые в нашей градации одновременно выступают и в роли «потребителей» культурной продукции. Представляется, что тенденция к росту уровня удовлетворенности связана с тем, что во многих театральном-концертных учреждениях, кинотеатрах начали применять современное оборудование (например, 3D), которое ранее ассоциировалось только с «продвинутыми» странами или Москвой, а местному населению вовсе было недоступно, хотя мнение о том, что «в сельский репертуар включают то, что не идет в городе или давно уже не в моде» [14], и сегодня не потеряло своей актуальности.

Вторая группа, которая «показала» рост удовлетворенности в своих оценках за эти годы, – «государственные чиновники». Если неудовлетворенными в 2001–2002 гг. были 71% представителей этой группы, удовлетворенными – почти четверть и 5% «чиновников» выказали безразличие к проблеме материально-технического оснащения учреждений культуры, то в 2016–2017 гг. число неудовлетворенных снизилось до 53%, а удовлетворенных выросло до 40% (вариант «безразлично» отметили 7% «чиновников»). Таким образом, разница между показателями неудовлетворенности и удовлетворенности составляет сегодня 13%, тогда как в начале века она была почти 50%. Столь резкий рост удовлетворенности среди «государственных чиновников» связан, на наш взгляд, с тем, что, во-первых, они оценивают большей частью как «потребители» культурной продукции, которые, согласно данным нашего же опроса, чаще всего посещают кинотеатры и ведущие театры столицы республики, которые действительно улучшают свое материально-техническое оснащение. А процесс модернизации в библиотеках,

дворцах и домах культуры (особенно на селе) идет не такими темпами, и эти учреждения гораздо реже посещаются «государственными чиновниками», что не позволяет дать им объективную оценку. Во-вторых, «государственные чиновники», к которым, напомним, мы относим чиновников высшего ранга, причем не только из сферы культуры, видят общие суммы затрат, которые выделяются на отрасль и которые, в принципе, выглядят достаточно внушительно. Так, например, в Республике Башкортостан на отрасль «культура» за последние пять лет было выделено около 40 млрд рублей. И из населения, и из государственных чиновников мало кто знает, что из них на улучшение материально-технического состояния объектов культуры и искусства потрачено 4.3 млрд рублей, из них 3.6 млрд рублей – на четыре объекта, которые строились и модернизировались к саммитам глав государств и правительств стран, входящих в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) и стран БРИКС (Бразилия, Россия, Китай, Индия и ЮАР), проходившим в Уфе в 2015 г. В-третьих, здесь присутствует и субъективный фактор, ведь тем самым чиновник оценивает и свою работу, свой вклад в развитие сферы культуры.

Диаметрально противоположная ситуация в оценках материально-технического состояния учреждений культуры у групп, непосредственно включенных в процесс создания культурно-духовных ценностей. Если у «творцов», согласно результатам исследований, показатели в 2016–2017 гг. по сравнению с 2001–2002 гг. не изменились, то у «культурной бюрократии» и «служащих» уровень неудовлетворенности вырос значительно. Вместе с тем именно среди «творцов» больше всего не удовлетворенных материально-техническим состоянием учреждений культуры – 88%. Вторыми по неудовлетворенности на сегодня являются представители «культурной бюрократии», коих 3/4 из числа опрошенных, хотя по результатам исследований 2001–2002 гг. их доля была чуть более половины. Среди «служащих» рост показателя неудовлетворенности не такой большой, но также достаточно внушительный. Напомним, что по результатам первого исследования и среди респондентов «служащих», и респондентов – «культурной бюрократии» мнения разделились практически поровну: 50% респондентов каждой категории были удовлетворены и 50% не удовлетворены материально-техническим состоянием учреждений культуры республики [12, с. 65]. По результатам же второго исследования уже 64% «служащих» не удовлетворены и, соответственно, 36% удовлетворены состоянием материально-технической базы учреждений культуры.

Эти результаты позволяют говорить о том, что люди, не работающие в сфере культуры, в меньшей степени озабочены этой серьезной, на наш взгляд, проблемой. Хотя только официальная статистика говорит, что если на 2000 г. в Республике Башкортостан было 5412 государственных и муниципальных учреждений культуры и искусства, то к 2018 году эта цифра сократилась на 15%. Причем только для республиканских учреждений культуры требуется более 700 миллионов рублей на капитальный ремонт. И это только крупные показатели, где не учитываются изношенность машинерии сцены или стеллажей библиотек, новизна музыкальных инструментов в детских школах искусств или обновляемость фондов в музеях и процессы их компьютеризации. Данная проблема, на наш взгляд, очень важна потому, что сфера культуры не существует сама по себе, она является важнейшей частью в культурно-духовном развитии общества. И если материально-техническая база не будет развиваться, что называется, в ногу со временем, то учреждения культуры перестанут быть интересными и привлекательными для молодого поколения, что приведет к дальнейшей аномии общества и позволит заполнить сознание псевдодуховными и псевдокультурными ценностями и разрушить духовно-нравственные устои нашего социума. Ведь состояние всеобщей аномии не может длиться неопределенно долго, и на смену социальной дезориентации приходят нормативные и ненормативные реакции [15]. Такие реакции уже есть и активно продвигаются, например, в идеях пропаганды ЛГБТ-сообществ, отождествляя это движение с истинной демократией. Только при этом почему-то защита традиционных семейных ценностей объявляется гнетом и насилием со стороны подобных «поборников свободы», несмотря на то, что у значительного большинства россиян сформировано выраженное и устойчивое негативное отношение к формализации гомосексуальных отношений [16].

Если на мнение о проблематике уровня культуры населения и материально-техническом состоянии учреждений культуры, как мы видели, существенное влияние оказывает принадлежность к той или иной подгруппе, условно обозначенной нами как непосредственно и опосредованно вовлеченные в процесс создания и трансляции культурных ценностей, то на оценку качества работы учреждений культуры данная дихотомия не имеет особого влияния. Единственное, что можем в очередной раз отметить: при оценке качества работы учреждений культуры вариант ответа «безразлично» выбрали опять-таки представители «государственных

Таблица 2

**Удовлетворенность социально-профессиональных групп
качеством работы учреждений культуры**

Группы участников	Удовлетворен		Неудовлетворен		Безразлично	
	2002	2017	2002	2017	2002	2017
«Чиновники»	53	71	47	24	0	5
«Потребители»	48	60	38	26	14	14
«Творцы»	89	91	11	9	0	0
«Служащие»	50	74	50	26	0	0
«Бюрократия»	56	64	38	36	6	0

чиновников» и «потребителей», т.е. из подгруппы опосредованно влияющих на процесс создания культурной продукции. Среди «чиновников» таковых 5% (в исследовании 2001–2002 гг. таковых не было), а среди «потребителей» 14%. Интересно, что среди «потребителей» и при первом исследовании доля безразличных к этой проблематике была идентична. В остальном же мы можем констатировать, что доля представителей всех социально-профессиональных групп, удовлетворенных качеством культурной продукции, за эти годы выросла, дополнительным подтверждением чего является и рост посещений этих учреждений. Хотя динамика эта не столь однозначна «внутри» учреждений. Так, согласно результатам авторского мониторинга, удельный вес посетителей музеев за последние годы вырос на 41%, театров и филармоний на 23%, количество участников центров национальных культур – более чем на половину, при этом наблюдается десятипроцентное снижение читательской активности [17].

Общая динамика удовлетворенности качеством работы учреждений сферы культуры по всем группам отражена в таблице 2. То, что максимальный показатель удовлетворенности у «творцов», несколько не удивляет, ибо здесь, как и в ситуации с прошлым опросом и его оценкой государственными чиновниками, присутствует в большей степени субъективный момент – 91% по итогам исследований 2016–2017 гг. с ростом в 2% к первому исследованию. Далее по степени удовлетворенности в исследованиях 2001–2002 гг. были представители «культурной бюрократии» с долей 56%. По результатам второго исследования с показателем 74% по уровню удовлетворенности качеством культурной продукции вышли «служащие», которые прибавили по сравнению с первым исследованием целых 24 процентных пункта, что является наибольшим увеличением по данному вопросу среди всех социально-профессиональных групп. «Культурная бюрократия» же с долей удовлетворенности в 64% оказалась ниже «государственных чиновников», которые поднялись на

этой своеобразной лестнице оценки культурных ценностей на третье место с четвертого с показателем 71% удовлетворенных против 53% по результатам исследований 2001–2002 гг. И замыкают в обоих исследованиях уровень удовлетворенности качеством работы учреждений культуры «потребители» с долей удовлетворенных в 60%, прибавив к первому исследованию целую четверть от прошлого значения.

Кроме того, как в первом исследовании, так и во втором, «творцы» с показателем около 90% значительно выделяются среди всех остальных социально-профессиональных групп.

Но если в 2001–2002 гг. разница между максимальным показателем («творцы») и минимальным (население) составляла 41 процентный пункт, то по итогам исследований 2016–2017 гг. эта разница составила 31%.

Выводы

Результаты наших исследований показывают, что в сфере культуры довольно четко просматривается социальная структура, критерием классификации которой является социально-профессиональный статус участников процесса управления сферой культуры. Результаты проведенных социологических исследований позволили распределить эти пять групп в две большие подгруппы, основываясь на факте непосредственного либо опосредованного участия в создании и реализации культурной продукции.

Среди представителей выделенных нами социально-профессиональных групп за последние 15 лет прошли значительные изменения, которые выражаются не только в отдельно взятых цифрах, но в целом в трендах. Так, по некоторым позициям принадлежность к подгруппам непосредственно или опосредованно создающих культурную продукцию не зависит на общие движения развития. В то же время по большинству проанализированных вопросов эти две подгруппы «движутся» разнонаправленно. Отсюда возникает вопрос о необходимости постоянного поиска и нахождения некоего

оптимума при постановке и решении вопросов развития в сфере культуры.

Культура, будучи сложным явлением, испытывает на себе постоянное воздействие на институциональном уровне (со стороны государства, религии, средств массовой информации и т.п.). Кроме того, культура имеет свои законы саморазвития, которые выражаются и формируются в том числе в ходе взаимодействия множества субкультур, представители которых входят в те или иные социально-профессиональные группы. Причем оптимальные пропорции зависят от конкретного вида культурной деятельности, определенной исторической ситуации, уровня культурного развития общества, уровня развития культуры государства. Представляется, что именно нахождение оптимума в соотношениях интересов и приоритетов субъектов культурной жизни и является основной целью в управлении сферой культуры.

Примечания

1. Методика исследования изложена в публикации: Сагитов С.Т. Приоритетные направления развития сферы культуры: теория и практика // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 4.

2. <http://www.grandars.ru/college/psihologiya/osnovnye-teorii-motivacii.html> (дата обращения: 03.01.2018).

Список литературы

1. Ионин Л.Г. Социология культуры: Учебное пособие для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.

2. Файнбург З.И. Культура и история // Проблемы теории культуры: тр. / НИИ культуры. М., 1977. № 55.

3. Шматко Н.А. «Габитус» в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 2. Т. 1. С. 60–70.

4. Сагитов С.Т. Роль государства в реализации культурной политики на современном этапе // Социология. 2016. № 4. С. 31–37.

5. Мальцева А.В., Шилкина Н.Е., Махныткина О.В. Об эмпирических индикаторах социальной структуры и социальной стратификации // СОЦИС. 2016. № 10. С. 33–42.

6. Аитов Н.А. Общество переходного периода. Алматы, 1993. 112 с.

7. Слепенков И.М., Аверин Ю.П. Основы теории социального управления. М.: Высшая шк., 1990.

8. Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5–23.

9. Насибуллин Р.Т. Население Башкортостана: социально-демографический анализ. М., 1997.

10. Коган Л.Н. Духовное производство и культура // Вопросы духовной культуры советских рабочих. Вып. 1. Свердловск, 1969.

11. Культура в информационно-инновационном обществе: Моногр. / Под общ. ред. проф. В.Н. Стегния. Пермь: Изд-во Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2017.

12. Сагитов С.Т. Социальные проблемы управления сферой культуры. М.: Изд-во РАГС, 2002.

13. Степанова О.П., Баженова Н.Г., Токарь О.В. и др. Влияние ценностно-мотивационной сферы на удовлетворенность жизнью пожилых людей // СОЦИС. 2016. № 2. С. 72–81.

14. Коган Л.Н. Социология культуры: Учебное пособие. Екатеринбург, 1992.

15. Головаха Е.И., Панина Н.В. Постсоветская anomia: особенности выхода из состояния аномической деморализованности в России и на Украине // Общественные науки и современность. 2008. № 6. С. 5–10.

16. Сон Х.И., Михайлова Е.А. Роль эвфемизмов в процессе формирования общественного мнения // СОЦИС. 2017. № 2. С. 96–102.

17. Низова Л.М., Мухаметшина Ч.М. Культура как отрасль социальной политики на мезоэкономическом уровне // Социальная политика и социальное партнерство. 2016. № 10. С. 5–9.

SOCIAL STRUCTURE OF THE CULTURE SECTOR: SOCIAL AND PROFESSIONAL APPROACH

S. T. Sagitov

Ufa State Aviation Technical University

Social management involves interaction of many different groups and communities during the management process. In this article, the classification of groups is based on the socio-professional division of labor among the participants in the management of the culture sector. Trend sociological studies of the development problems in the culture sector were conducted in 2001–2002 and in 2016–2017. According to the results of the research, five groups of participants in the process of managing the culture sector were identified. These groups were divided into two subgroups: those directly and indirectly involved in the creation of cultural and spiritual values. The views and the trends in the development of these subgroups demonstrate mostly an opposite dynamics. The author substantiates the conclusion that the optimal development of the culture sector is possible only if the opinions of all the stakeholders are taken into consideration, with due account of the laws of culture self-development.

Keywords: culture sector, socio-professional groups, level of the population's culture, interests and needs, cultural production, anomie, social structure.